

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ ПО ВВЕДЕНІЮ ВЪ ФИЛОСОФІЮ И ПО ГНОСЕОЛОГІИ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Издание Братства Преподобнаго Сергія.

2-я типографія

А. И. Смирновой въ Сергіевомъ Посадѣ Московск. губ.

1893.

СОЧИНЕНІЯ В. Д. КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА.

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА.

ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ,

ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФІИ ВЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ ПО ВВЕДЕНІЮ ВЪ ФИЛОСОФІЮ И ПО
ГНОСЕОЛОГІИ.

Издание Братства Преподобнаго Сергія.

Сергіевъ Посадъ.

1893.

Типографіи ст. Л. Енсиревой
въ Москвѣ и Сергіевомъ Посадѣ.

Печатать позволяется. Сентября 27 дня, 1893 г.

Ректоръ Академіи Архимандритъ Антоній.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
1. Объ основныхъ началахъ философскаго познанія. . .	1—66
2. Метафизическій анализъ эмпирическаго познанія. . .	67—209
3. Пространство и время.	210—310

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ

ФИЛОСОФСКАГО ПОЗНАНІЯ.

Характеристическая особенность, отличающая каждое научное знаніе отъ знанія непосредственнаго или основаннаго на довѣріи къ авторитету, состоитъ въ томъ, что всѣ входящія въ составъ данной науки положенія должны быть рачіонально обоснованы или доказаны. Правда, истинное положеніе, истинная мысль всегда остается истинною и, какъ таковая, можетъ быть усвоена нами и безъ доказательствъ; но знаніе научное не удовлетворяется такимъ усвоеніемъ истины на вѣру; оно требуетъ указанія рачіональной необходимости признанія ея за истину, требуетъ доказательства. Для мышленія научнаго, каждое недоказанное положеніе или сужденіе, хотя-бы оно было и истинно, остается не достовѣрнымъ до тѣхъ поръ, пока оно не доказано; только при помощи доказательствъ, вѣра въ извѣстную истину переходитъ въ достовѣрность и самая истина становится достовѣрною истиною.

Но въ дѣйствительномъ ходѣ нашей познавательной дѣятельности, строгое и точное выполненіе этого идеальнаго требованія представляется неосуществимымъ. Такъ наприм., доказывая извѣстное положеніе извѣстною мыслию, мы для самой достовѣрности нашего доказательства должны-бы сказать и ту мысль, которою подтверждаемъ данное положеніе; доказательство этой мысли, въ свою очередь, потребовало-бы новаго доказательства того положенія, на которомъ мы ее основываемъ, и такъ далѣе до безконечности. Очевидно, по-

этому, что въ цѣпи нашихъ доказательствъ мы должны на чемъ-нибудь остановиться, чтобы не идти въ безконечность, доказывая одно положеніе другимъ, должны предположить что-нибудь несомнѣнное и не нуждающееся въ дальнѣйшемъ доказываніи. Эти несомнѣнныя и недоказуемыя положенія, составляющія твердую почву, на которой держится состоятельность всѣхъ прочихъ доказательствъ, и составляютъ *основныя начала* (принципы) достовѣрности каждаго даннаго рода познанія.

Если-же теперь всякое научное, какъ основанное на раціональныхъ доказательствахъ, знаніе въ концѣ концовъ должно опираться на основные, самодостовѣрные принципы или начала, то истина и достовѣрность каждаго знанія окончательно будетъ зависѣть отъ истины и достовѣрности этихъ принциповъ; что само собою предполагаетъ для каждаго, имѣющаго притязаніе на научное значеніе, знанія необходимость выяснить и отчетливо установить ихъ.

Какія-же теперь истины или положенія въ области знанія мы должны признать недоказуемыми, основными и непосредственно достовѣрными? Если за отвѣтомъ на этотъ вопросъ обратимся къ существующимъ въ наличности познаніямъ, то получимъ очень разнообразныя отвѣты, соотвѣтственно различнымъ степенямъ приближенія этихъ познаній къ нормѣ или къ идеалу истинно научнаго знанія. Въ этомъ отношеніи болѣе характеристическими признаками выдѣляются три степени познанія: а) знаніе не строго научное; б) знаніе научное и в) знаніе философское.

а) Для знанія не строго научнаго, точно также какъ для мышленія непосредственнаго и не научнаго, положеніями самодостовѣрными и ненуждающимися въ доказательства признаются обыкновенно всѣ тѣ положенія и истины, въ которыхъ согласно убѣждены или всѣ люди или даже извѣстный кругъ людей даннаго мѣста, времени, общества и въ вѣрности которыхъ непосредственно убѣжденъ и самъ познающій. Таковы, прежде всего, основанные на непосредственной очевидности внѣшняго или внутренняго опыта, факты; никто наприм. не потребуетъ ни отъ себя, ни отъ другихъ раціональнаго доказательства того, что сегодня свѣтитъ солнце, что видимый мною домъ есть дѣйствительно домъ, а не что иное, что я

чувствую голодъ, усталость, радость и т. п. Далѣе, не требуютъ для обыденнаго знанія доказательства положенія, такъ называемаго, здраваго смысла, въ истинѣ которыхъ убѣждены всѣ, напр. что нужно быть добрымъ, что такой-то порокъ заслуживаетъ презрѣнія или наказанія и пр. Этого рода истины, которыя называются иногда азбучными истинами, согласно признаются всѣми и доказывать ихъ для общаго сознанія было-бы напрасною тратою времени. Наконецъ, какъ мы сказали, содержаніе недоказываемыхъ истинъ можетъ быть чисто условнымъ, зависѣть отъ согласія въ чемъ-либо извѣстнаго круга лицъ, извѣстнаго времени, общества и пр. Напр. для лицъ, исповѣдующихъ христіанскую религію, истина и богооткровенность этой религіи не подлежитъ сомнѣнію; отсюда, при разсужденіи объ извѣстномъ догматѣ или при спорѣ относительно его между лицами различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, нѣтъ никакой нужды доказывать истину христіанской религіи вообще, потому что эта истина разсуждающими или спорящими предполагается уже извѣстною и доказанною. Вообще можно сказать, что въ обыкновенномъ мышленіи непосредственно достовѣрнымъ и не нуждающимся въ доказательствахъ признается каждое положеніе, въ истинѣ котораго *убѣждены* всѣ или извѣстный кругъ людей, независимо отъ того, основано-ли это предварительное убѣжденіе на раціональныхъ доказательствахъ или нѣтъ.

б) Выше обыденнаго мышленія и знанія стоитъ обыкновенное научное знаніе. Кругъ положеній, нуждающихся въ доказательствахъ, здѣсь расширяется; каждое научное положеніе, что-бы стать научнымъ, требуетъ доказательствъ своей истины, которыя могутъ быть или эмпирическими или раціональными, судя по характеру науки. Но такъ какъ, что мы и замѣтили, цѣпь другъ друга обосновывающихъ и доказывающихъ положеній могла-бы тянуться въ безконечность, если-бы мы не остановились на чемъ-нибудь первоначальномъ и не имѣющемъ уже нужды въ доказываніи, то каждая наука имѣетъ такіа недоказываемыя истины или положенія, которыя стоятъ во главѣ ея и служатъ основаніемъ возможности всѣхъ другихъ ея доказательствъ. Эти, непосредственно принимаемыя различными науками, недоказываемыя и не могущія быть доказанными въ границахъ самой науки, истины, состав-

ляющія основоположенія или принципы наукъ, обыкновенно называются *аксіомами*. Таковы напр. въ математикѣ положенія, что цѣлое равно своимъ частямъ вмѣстѣ взятымъ, что двѣ величины, равныя третьей, равны между собою и друг.; таково напр. въ химіи предположеніе матеріи, какъ субстрата физическихъ явленій, даже частнѣе, — атомовъ, какъ извѣстной формы существованія матеріи. Количество и содержаніе этихъ аксіомъ или основоположеній наукъ опредѣляется спеціальнымъ содержаніемъ каждой изъ нихъ. Единственное, формальное требованіе научнаго знанія здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы количество этихъ основныхъ положеній науки (аксіомъ) было ограничиваемо возможно меньшимъ числомъ, чтобы разнообразіе ихъ было сводимо къ необходимому числу дѣйствительно основныхъ и не производныхъ истинъ.

в) Но нашъ разумъ, въ своемъ высшемъ и глубочайшемъ стремленіи къ вполнѣ достовѣрному знанію, не удовлетворяется однако-же непосредственною и на вѣру принимаемою самодостовѣрностію тѣхъ основныхъ истинъ и положеній, которыя принимаются за несомнѣнныя какъ въ знаніи обыденномъ, такъ и научномъ. Онъ подвергаетъ критическому анализу эти положенія съ цѣлью опредѣлить, дѣйствительно-ли они такъ достовѣрны и несомнѣнны, какъ предполагаетъ то общее и научное сознаніе. Онъ пытается дать себѣ отчетъ въ самыхъ очевидныхъ, повидимому, положеніяхъ общаго смысла и науки, старается по возможности рачіонально обосновать ихъ, чтобы все наше знаніе въ совокупности могло назваться вполнѣ научнымъ знаніемъ, т. е. основаннымъ не на предположеніяхъ, но на рачіонально провѣренныхъ и доказанныхъ началахъ. Эту задачу и беретъ на себя философія; тѣ начала и основные принципы, которые общимъ сознаніемъ и науками принимаются какъ непосредственно достовѣрные, она вновь дѣлаетъ предметомъ изслѣдованія, не смотря на кажущуюся и всѣми принимаемую ихъ очевидность. Таково напр. убѣжденіе общаго сознанія въ объективной истинѣ нашихъ чувственныхъ впечатлѣній, въ существованіи реального, окружающаго насъ, міра и др.; таково напр. предположеніе существованія матеріи, атомовъ въ естествознаніи, пространства въ математикѣ; убѣжденіе въ бытіи Бога, загробной жизни въ религіи, — въ существованіи свободы и

вслѣдствіе этого вмѣняемости въ области нравственности и права и т. п. *). Въ этомъ стремленіи изслѣдовать непосредственно очевидныя начала и основанія другихъ наукъ и общаго сознанія—и состоитъ существенная задача философіи и вмѣстѣ отличіе ея отъ другихъ наукъ и знаній. Кто говоритъ въ наукахъ о какомъ-либо положеніи: „это само собою очевидно“,—тотъ еще не философъ, потому что основываетъ свое знаніе на непосредственной увѣренности, не провѣренной и не обоснованной рационально.

Однако-же и философія, подвергая критическому анализу принципы другихъ наукъ и очевидныя положенія общаго сознанія и стараясь рационально обосновать ихъ, должна-же и сама въ свою очередь какъ въ своемъ сужденіи о нихъ, такъ и въ обоснованіи ихъ исходить изъ какого-либо несомнѣннаго принципа или начала. И философія, чтобы не затеряться въ цѣпи другъ друга доказывающихъ положеній, какъ и другія науки, должна *предварительно* признать что-либо первоначально несомнѣннымъ и достовѣрнымъ, чтобы имѣть твердую точку опоры или критерій для обсужденія всѣхъ другихъ научныхъ и ненаучныхъ началъ и для вывода какого-либо всеобще-достовѣрнаго принципа. Отсюда вытекаетъ необходимость, такъ называемыхъ, философскихъ *основположеній* или *принциповъ*, т. е. такихъ необходимыхъ и неоспоримыхъ истинъ, которыя служили-бы окончательнымъ основаніемъ всѣхъ другихъ началъ и истинъ, отрицаніе которыхъ было-бы невозможно безъ отрицанія самаго знанія. Но необходимость установленія основныхъ принциповъ въ философіи вытекаетъ не изъ одной только общей ей съ другими науками потребности имѣть какое-либо твердое основаніе и опору для своихъ изслѣдованій и доказательствъ. По своему методу и своей задачѣ, она есть не только наука о принципахъ другихъ наукъ, но и наука изъ принциповъ, т. с. высшая ея задача состоитъ въ томъ, чтобы вывести и построить цѣльное міросозерцаніе, исходя изъ какихъ-либо твердыхъ и несомнѣнныхъ началъ. Установленіе этихъ началъ—дѣло тѣмъ болѣе важное, что отъ характера и степени ихъ состоятель-

*) О значеніи философіи какъ науки, изслѣдующей принципы другихъ наукъ см. статью „Нужна-ли философія?“ (Сочиненія В. Д. Кудрявцева-Платонова, т. 1. вып. 1. стр. 86 и слѣд.).

ности будетъ зависѣть все дальнѣйшее построеніе философскихъ системъ и достоинство философскаго міросозерцанія.

Самый фактъ разнообразія, даже противоположности философскихъ направленій показываетъ, что философы далеко не были согласны въ опредѣленіи основныхъ началъ своей науки. Это разногласіе выразилось прежде всего въ томъ, что не только подвергалась сомнѣнію, но и прямо отрицалась самая необходимость и возможность установленія философіею своихъ принциповъ путемъ раціональнаго изслѣдованія. Такое отрицаніе, само будучи возведено въ принципъ философіи, нашло свое выраженіе въ двухъ противоположныхъ философскихъ направленіяхъ, изъ которыхъ одно началомъ философскаго познанія признаетъ непосредственную увѣренность въ основныхъ истинахъ знанія, другое совершенно отрицаетъ самую возможность какихъ-либо несомнѣнныхъ и достовѣрныхъ началъ познанія. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ положительному рѣшенію вопроса, какія истины въ философіи мы должны считать основными и принципіальными, мы должны остановить наше вниманіе на этихъ двухъ направленіяхъ. Критическое разсмотрѣніе ихъ должно окончательно выяснить для насъ возможность и необходимость установленія точныхъ принциповъ философіи и указать самый путь, какимъ мы должны идти въ дѣлѣ этого установленія.

1. Въ виду крайняго разногласія философскихъ системъ и видимой безнадежности примиренія ихъ въ области самой же философіи, во всѣ времена были мыслители, которые сомнѣвались найти надежную точку опоры для философіи въ ней самой, въ раціональномъ обоснованіи ея собственныхъ началъ. Имъ казались вовсе ненужными, странными, даже смѣшными усилія философовъ раціонально доказать такіа напр. основныя и непосредственно очевидныя истины, какъ существованіе внѣшняго міра, Божества, достовѣрность мышленія, обязательность тѣхъ или иныхъ предписаній нравственнаго закона и т. п. Имъ казалось, что если и нужно для насъ какое-либо завѣреніе этихъ и подобныхъ истинъ, то его должно искать не въ какихъ-либо утонченныхъ метафизическихъ изслѣдованіяхъ, но или а) въ простомъ *свидѣтельствѣ* здраваго или *общаго смысла*, или б) въ непосредственной, неподлежащей вѣдѣнію разума, на чувствѣ основанной, *вѣрѣ* въ эти истины.

а) Философія *общаго* или здраваго *смысла* не есть, какъ можно-бы предположить, первоначальное обнаруженіе философствующей мысли, когда еще не представлялось необходимости слишкомъ углубляться въ изслѣдованіе объ основныхъ началахъ знанія и когда умъ человѣка могъ довольствоваться, не подвергавшимися еще сомнѣнію, общими и всѣми признаваемыми за истину, убѣжденіями. Напротивъ, она появляется въ философіи въ различныя эпохи, какъ результатъ крушенія различныхъ философскихъ принциповъ вслѣдствіе ихъ взаимнаго антагонизма и явившагося отсюда недовѣрія къ силѣ философской мысли. При разногласіи философскихъ системъ, при неустойчивости ихъ основоположеній, нѣкоторымъ казалось всего безопаснѣе остановиться на всѣми признаваемыхъ и устойчивыхъ, при всѣхъ превратностяхъ борьбы философскихъ теорій, началахъ обыкновеннаго, здраваго смысла, не давая себѣ безплоднаго труда научно доказывать или оправдывать эти начала. Такъ первое обнаруженіе направленія, нами разсматриваемаго, мы находимъ у Сократа, который въ виду взаимнаго антагонизма предшествующихъ философскихъ школъ и разрушенія ихъ софистикою, остановился на непосредственномъ свидѣтельствѣ всеобщаго нравственнаго сознанія, считая бесполезными утонченныя, теоретическія изслѣдованія о природѣ вещей. Тоже самое стремленіе поставить общій смыслъ критеріемъ истины, среди разногласія философскихъ системъ, находимъ у Цицерона. Послѣднее основаніе и ручательство истины чего-либо, по его мнѣнію, заключается въ естественномъ, прирожденномъ всѣмъ намъ чувствѣ истины. Для нашего сознанія непосредственно очевидны, убѣдительны и какъ-бы врождены основныя истины знанія и жизни. Такъ природа прежде всего даровала намъ основныя нравственныя понятія, раньше всякаго наученія, какъ-бы нѣкоторое приданое. Сущность нравственности поэтому гораздо безопаснѣе можно узнать изъ общаго сознанія, чѣмъ изъ ученія замѣчательныхъ мужей и опредѣленія понятій. Точно также самою природою насаждены въ насъ понятія о правѣ, и только впослѣдствіи образующаяся склонность ко злу помрачаетъ ихъ. Необходимѣйшія для насъ истины религіи равнымъ образомъ составляютъ природное наше достояніе. Внѣшнимъ-же признакомъ и несомнѣннымъ доказа-